

ИЛЗЕ

ЛИПА

Неделя - 1994. - фев. (№8). - с. 13.

- Илзе, удивит ли вас, если скажу (разумеется, ничуть не умаляя достоинств известного танцовщика Андриса Лиепы), что именно вы ассоциируетесь у меня с вашим отцом? Какой-то особой статью, если хотите, сценическим "почерком", некой властной энергией, посылаемой в зал. Другими словами, вы очень похожи в творчестве. Ощущаете ли и сами нечто подобное?

- Безусловно. Мы с отцом действительно похожи не только внешне: я очень сильно ощущаю внутреннее сходство. Думаю, у нас с ним творческое ядро одной природы. И даже спектакли, в которых он танцевал (особенно люблю два: "Спартак" и "Жизель"), воспринимаю фантастически двойственно и все время прикидываю, как и что сделала бы, будь я мужчиной. И, кстати, наверное, очень хорошо, что Андрис - совсем другой, иначе его постоянно сравнивали бы с отцом, а это слишком тяжелый груз для артиста.

- Работал ли Марис Эдуардович с вами как педагог? Успел ли что-то передать непосредственно вам? Или вы доосмысливали все, связанное с его творчеством, уже позднее, самостоятельно?

- С отцом я никогда не репетировала, но я воспринимала профессию через него, и это, между прочим, самое главное. Это ведь действительно очень важно для человека любой профессии - понять ее суть и уже дальше найти правильный путь, по которому можешь идти сам. И этот путь я, конечно же, нашла благодаря отцу. И вот опять-таки удивительная вещь: в 60-е годы им был восстановлен балет "Видение розы", который он передал брату. Андрис записал репетиции, и когда я смотрю эту пленку, у меня возникает абсолютно реальное ощущение, что я работаю с отцом.

- Инициатива в выборе балетного будущего исходила от вас?

- Бесспорно. Нам с Андрисом даже приходилось преодолевать сопротивление, потому что родители вовсе не жаждали, чтобы мы занимались этой профессией. Но балет и, шире, театр, потому что моя мама драматическая актриса, были той атмосферой, в которую мы вошли с первых дней нашей жизни. И все-таки прежде всего балетный театр, потому что отец, его профессия всегда были главными в нашем доме. И потому этот выбор оказался для нас естественным, мы и помыслить не могли ничего другого. Андрис в детстве говорил просто: "Я хочу быть папой в Большом театре". Что же до меня, то можно, конечно, вспоминать, как я когда-то хотела продавать мороженое, а потом мечтала стать укротительницей тигров, но, если серьезно, балет очень рано стал как бы моим естественным.

- Сразу после хореографического училища вы пришли в Большой театр, солисткой которого и являетесь. Какие партии вы танцуете в ГАБТе?

- Если я скажу, что почти ничего, то это будет почти правда. Очень мало ролей.

- И поэтому возникла потребность в творческих вечерах?

- Знаете, идея вечеров родилась как бы в переломный период в моей жизни, когда необходимо было принять решение, рискнуть. Я не имела права упустить свой шанс. Ведь, скажем, трагедия моего отца заключалась в том, что он не мог представить себя вне Большого театра. Так уж совпало, что, с одной стороны, тогда было время расцвета балета, с другой - время расцвета нашего тоталитарного режима. Нужно было оставаться звеном системы, соответствующим ее параметрам, в противном случае ты оказывалась изгоем.

Сегодня есть свобода, есть выбор, и в этом смысле мы - счастливые люди. Но при том полный развал, все катится куда-то вниз. И беда нашего театра вполне типична для всего нашего сегодняшнего общества. Искусство не случайно, наверное, расцветает при тоталитаризме - помните, об этом хорошо сказано у Булгакова в "Мольере", ведь

такой режим опирается на искусство. Потом закономерно наступает другой период. И тут ничего не поделаешь. Я, впрочем, не теряю надежды на то, что жизнь изменится к лучшему, хотя... Все сиюминутно, и мне, в общем-то, осталось так мало. А что вокруг?

- Кто помогает вам в организации вечеров, есть ли у вас постоянные спонсоры?

- "Движущей силой" и режиссером моих первых вечеров была Александра Эммануиловна Чижова, которой я очень признательна. Поначалу еще можно было обойтись без спонсоров. Теперь нужны спонсоры, а по-русски - покровители. К счастью, у нас находятся люди, которым небезразлично искусство. Попечителями моего предыдущего вечера стали одна совместная российско-западно-германская фирма и "Дягилевский Центр", который как раз поощрял моему последнему творческому вечеру в "России".

Должна сказать, что устраивать у нас подобные вещи очень трудно. Потому что, даже если находятся деньги, нет профессиональных организаторов. Ну разве это дело, когда я, как это было, скажем, перед выступлением в Театре оперетты, сама в день концерта сижу два часа на репетиции по свету, потом открываю и закрываю гримерные, надписываю таблички с именами артистов и так далее. Искусство ведь в определенном смысле слова и бизнес, а раз так, должны быть люди, которые занимаются им профессионально, что, кстати, уже поняли в эстраде.

- Несклько слов о ваших партнерах по сцене.

- В последнее время у меня на вечерах прекрасные партнеры. Это - Вла-

димир Кириллов, ведущий солист Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Это - мой, можно сказать, одноклассник, народный артист Украины, Виктор Яременко из Киева. И совсем недавно я впервые выступила с интереснейшим танцовщиком из Вильнюса Пятрасом Скирмантасом.

- Что вас как балерину больше всего привлекает в искусстве? Что вам хотелось бы - в широком смысле слова - выразить, донести до зрителя средствами танца?

- Если бы речь шла о драматическом театре, то я бы сказала, что тяготею к жанру высокой трагедии. Мне кажется, это на самом деле самое интересное в искусстве. Отношения между людьми, жизнь и смерть, мужчина и женщина - это же вечная тема.

- Вы знаете, когда я готовила "Умиряющего лебедя", вдруг ощутила: это какая-то абсолютная красота. Балет ведь чем еще особенно интересен: в нем есть направления и образы, которые требуют, чтобы танцовщица абсолютно ушла от земного. Она должна так высоко подняться над телесным, чтобы явиться зрителю неземным, недос-

аемым идеалом. Возьмите романтический балет, возьмите постановки некоторых современных западных хореографов. Балет - искусство образов и символов, и он начинается там, где кончается слово. Слову, пусть даже гениальному, не под силу передать всю глубину наших мыслей, ощущений, нашей души, наконец...

- Насклько я поняла, вас не особенно привлекает творчество современных отечественных хореографов? А как насчет работ, к примеру, Бориса Эйфмана?

- Эйфман? Да, бесспорно. Его постановки последних лет, которые я видела, меня восхищают. И не случайно с годами его коллектив становится сильнее, к нему приходят великолепные танцовщики. Мне никогда не доводилось работать с ним лично, но я танцевала на вечере памяти отца его "Реквием балерины". В жизни действительно происходят нередко удивительные вещи. Так, я совершенно случайно приехала в Петербург и в свободный вечер пришла на концерт труппы Бориса Эйфмана. Увидела "Реквием балерины" на музыку Бетховена и сразу поняла: вот то, что искала для вечера, посвященного отцу. В антракте зашла к Эйфману, и неожиданно он спросил: а вы знаете, что Марис Лиепа танцевал премьеру этого номера? Я не знала.

- Чо же до ситуации в нашем балетном театре, то это естественные последствия более чем семидесяти лет советского режима. Ведь, по сути, насильственно искоренились традиции русского балета. Мировые традиции. Они прервались на Голейзовском, Якобсоне - у нас это дальше не пошло никак. Сейчас мы по крупицам собираем, возрождаем то, что все эти годы, придя во многом от нас же, из России, продолжало развиваться на Западе.

- Да, и работа над ними тоже проходит по-разному. А бывают и вовсе неожиданные. Любопытный случай произошел у меня с "Шехерезадой", одним из недавно восстановленных фокинских балетов. Должна сказать, что в этом спектакле я шла абсолютно интуитивно, и он дался мне так легко, как ни один другой прежде. А потом Андрис решил сделать из "Шехерезады" фильм-балет. И когда мы втроем: мой брат как режиссер, оператор Павел Лебедев и я начали расписывать фильм по кадрам, то вдруг обнаружили, что ровным счетом ничего не понимаем... Но в конце концов нашли совершенно неожиданные решения, выстроились интрига, которой в спектакле не было и в помине. Мне даже подумалось: а вдруг мы каким-то чудом угадали заложенное сюда самим Фокиным, кто знает?

- Ваш приход в игровое кино, вероятно, был не случаен?

- Поначалу это было все же случайным, хотя и счастливым вкраплением в жизнь. "Блестающий мир" по Грину, "Лермонтов", в котором мы снимались с отцом, а еще до того - "Бемби", где мы тоже снимались вместе с ним, "Ломоносов" уже, конечно, случайностью не был, и я считаю, что мне повезло с этим фильмом. Но настоящим киноопытом для меня все же стала "Шехерезада". Мне нравится, что это именно фильм-балет, а не наоборот, как это чаще всего у нас бывает.

- Илзе, вряд ли надо представлять читателям вашего мужа хореографа Сергея Стадлера. Вы как-то пересекаетесь с ним в творчестве?

- У нас с Сергеем даже есть свой репертуар, в том числе один номер, созданный специально для нас. Это довольно любопытная история. Сергея пригласили выступить в Париже, а у меня тогда болела нога, я еле ходила. Но пропустить такой концерт? Я заявила, что обязательно буду принимать участие. Танцевать надо было под скрипку соло. Сергей записал мне на кассету несколько частей сонаты Баха, и я отнесла ее своей подруге, на мой взгляд, очень талантливого и необычному хореографу Веронике Смирновой. И пояснила, что у нас есть неделя, музыка и балерина, которая ходит с трудом. Еще - площадка, примерно метра четыре в ширину. И публика, которая будет сидеть очень близко. Хотя в общем-то балет надо смотреть издали: зрителю совершенно необязательно слышать, как мы дышим, смотреть, как завязаны туфли, видеть капельки пота на лице... Вероника выполнила все условия и, на мой взгляд, поставила потрясающий номер, который называется "Молитва".

Кстати, о кино. Мы вместе с Вероникой Смирновой написали сценарий балетного фильма. И я не оставляю надежды, что он увидит свет. Это балетно-игровой фильм, в котором танцевальные фрагменты являются как бы важнейшими мгновениями одной жизни, а связывают их воедино два персонажа: Смерть и Душа. На мой взгляд, должно получиться интересно. Ведь наша жизнь среди людей и жизнь нашей души - далеко не одно и то же, не так ли?

И не потому ли у нас сейчас наблюдается такой всплеск интереса к религии, что без нее невозможно духовная жизнь? Ведь нашей душе пища нужна точно так же, как и нашему телу. Сейчас религия зачастую становится модой, но, полагаю, это не страшно: со временем шелуха отсыется, зато останется суть. Как, впрочем, неважно и то, быть ли буддизмом или православным христианством. Ведь каждому мыслящему человеку совершенно очевидно, что у всех нас один, единый путь.

Беседу вела
Марина ЮРЬЕВА.

...наша жизнь среди людей и жизнь нашей души - далеко не одно и то же, не так ли?